

Фламмарион Камиль

**"Неизвестное": Явления
области психизма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К18

К18 **Камиль Ф.**
"Неизвестное": Явления области психизма / Фламарион Камиль – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 226 с.

ISBN 978-5-521-28378-1

ISBN 978-5-521-28378-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И вотъ сомнѣнія все не прекращаются, не смотря на скопленіе доказательствъ въ новѣйшей астрономіи. У насъ имѣется въ нашихъ библіотекахъ любопытное сочиненіе, изданное въ 1806 году и специально направленное противъ теоріи вращенія земли; авторъ его чисто-сердечно увѣряетъ, что никогда не повѣритъ, что земля вертится, какъ каплунъ на вертелѣ. Этотъ почтенный каплунъ былъ, однако, очень умный человѣкъ (что иногда не ограждаетъ отъ невѣжества); его звали Мерсье и онъ былъ членомъ института.

Я лично присутствовалъ на засѣданіи академіи наукъ, когда Демонсель демонстрировалъ фонографъ Эдисона передъ ученымъ собраніемъ. Во время демонстраціи аппаратъ послушно принялся рапортовать фразу, занесенную на его валикѣ. Тогда одинъ академикъ, пожилыхъ лѣтъ, съ умомъ начиненнымъ, даже пропитаннымъ традиціями классической культуры, пришелъ въ благородное негодованіе и, бросившись на представителя Эдисона, чуть не задушилъ его, восклицая: «Негодяй! мы не позволимъ себя морочить какому-то чревовѣщателю!»

Это былъ членъ института Бульо, а происходила эта сцена 11-го марта 1878 года. Однако, академикъ не успокоился: полгода спустя въ подобномъ же засѣданіи онъ счелъ долгомъ объявить, что по зрѣломъ изслѣдованіи вопроса онъ укрѣпился въ своемъ мнѣніи насчетъ чревовѣщательства. Словомъ, по его взгляду, фонографъ—не болѣе какъ акустическая иллюзія.

Когда Лавуазье произвелъ анализъ воздуха и открылъ, что онъ, главнымъ образомъ, состоитъ изъ двухъ газовъ—кислорода и азота, то это открытіе взбаламутило

не мало умовъ даже положительныхъ и уравновѣшенныхъ. Многие члены академіи наукъ, между прочимъ, извѣстный химикъ Боме (изобрѣтатель ареометра), твердо вѣря въ истинныя четыре стихіи древней науки, энергично возстали противъ Лавуазье. Нынче же всякому извѣстно, что эти стихіи, такъ свято охраняемыя, вовсе не существуютъ, и что правыми оказались новѣйшіе химики, разложивъ на составныя части воздухъ и воду. Что касается огня, или флогистона, который, по мнѣнію Боме и его современниковъ, исполнялъ роль *deux ex machina* въ природѣ и въ жизни, то онъ существовалъ только развѣ въ воображеніи мудрыхъ профессоровъ.

Самый великій химикъ Лавуазье попалъ въ категорію скептиковъ, отрицающихъ новыя открытія, такъ какъ представилъ въ академію ученый докладъ съ цѣлью доказать, что камни не могутъ падать съ неба. А между тѣмъ паденіе аэролита, по поводу котораго онъ представилъ этотъ офиціальны докладъ, было прекрасно наблюдаемо во всѣхъ подробностяхъ; видѣли и слышали взрывъ болида, видѣли паденіе аэролита, подняли его раскаленнымъ, представили затѣмъ на разсмотрѣніе академіи и академія черезъ посредство своего докладчика объявила, что это вещь невѣроятная и недопустимая.

Я вовсе не намѣренъ бросать камня въ Лавуазье или въ кого бы то ни было, — я только возстаю противъ тирани предразсудковъ. Люди не вѣрили, не хотѣли вѣрить, чтобы камни могли падать съ неба. Это казалось противнымъ здравому смыслу. Напримѣръ, Гассенди былъ однимъ изъ самыхъ независимыхъ, самыхъ просвѣщенныхъ ученыхъ XVII столѣтія. Въ 1627 году въ

Провансъ упалъ аэролитъ вѣсомъ въ 30 килограммовъ, при совершенно ясной солнечной погодѣ; Гассенди видѣлъ этотъ камень, прикасался къ нему, разсматривалъ— и приписалъ его невѣдомому земному изверженію.

Профессора-перипатетики временъ Галилея съ апломбомъ утверждали, что на солнцѣ не можетъ быть пятенъ.

Призракъ на Брокенѣ, фата-моргана, миражъ отрицались множествомъ разумныхъ людей до тѣхъ поръ, пока они не были объяснены.

Исторія прогресса науки показываетъ намъ безпрестанно, что великіе и плодотворные результаты иногда происходятъ изъ наблюденій самыхъ простыхъ и будничныхъ. Въ области научныхъ изслѣдованій ничѣмъ нельзя пренебрегать. Какой удивительный переворотъ произошелъ въ современной жизни, благодаря электричеству: телеграфъ, телефонъ, электрическое освѣщеніе, быстрые, легкіе моторы и т. д. Не будь электричества, народы, города, нравы были бы совсѣмъ другими. А между тѣмъ колыбель этой благодѣтельной феи была скромно скрыта въ первыхъ, едва брызжущихъ лучахъ зарождающейся зари. Въ ней можно было различить лишь смутный зародышъ; честь и слава прозорливымъ глазамъ, сумѣвшимъ уловить его и обратить на него вниманіе всего міра.

Всѣ, конечно, помнятъ знаменитый бульонъ изъ лягушекъ, состряпанный для г-жи Галвани въ 1791 г. Галвани женился на хорошенькой дочери своего бывшего профессора Лючіи Галеоцци и нѣжно любилъ ее. У нея сдѣлалась чахотка и она умирала въ Болоньи. Врачъ предписалъ ей питательный бульонъ изъ лягушекъ, ку-

шанье очень вкусное, надо замѣтить. Галвани непременно пожелалъ приготовить его собственноручно. Сидя на своемъ балконѣ, онъ чистилъ нѣсколько штукъ лягушекъ и развѣсилъ ихъ нижнія конечности, отдѣленные отъ туловища, на желѣзную рѣшетку балкона при помощи мѣдныхъ крючковъ, употреблявшихся имъ при опытахъ; какъ вдругъ онъ замѣтилъ съ немалымъ удивленіемъ, что лягушки конвульсивно содрагаются каждый разъ, когда случайно прикасаются къ желѣзу балкона. Галвани, бывшій въ то время профессоромъ физики въ Болонскомъ университетѣ, подмѣтилъ это явленіе съ рѣдкою догадливостью и вскорѣ открылъ всѣ условія для его воспроизведенія.

Если взять заднія лапки лягушки со снятой кожей, то мы замѣтимъ чресленные нервы, бѣлые филей. Надо захватить эти нервы, обернуть ихъ въ листъ жести и положить заднія лапки въ согнутомъ положеніи на мѣдную полосу, затѣмъ привести жестяную пластинку въ соприкосновеніе съ мѣдной, тогда немедленно мускулы сократятся и легкое препятствіе, въ которое при опытахъ упираются конечности лапокъ, опрокидывается съ порядочной силой. Вотъ опытъ, на который Галвани напалъ совершенно случайно; отсюда открытіе, носящее его имя—гальванизмъ и впоследствии породившее Вольтовъ столбъ, гальванопластику и другія примѣненія электричества.

Наблюденія болонскаго физика были встрѣчены хохотомъ и только нѣсколько серьезныхъ ученыхъ оказали имъ должное вниманіе. Бѣдный ученый сильно огорчился: «На меня нападаютъ,—писалъ онъ въ 1792 году,—двѣ

совершенно различныя секты: ученые и невѣжды. И тѣ, и другіе смѣются надо мной и называютъ лягушечьимъ танцмейстеромъ. А между тѣмъ я убѣжденъ, что открылъ одну изъ силъ природы».

Около того же времени академія наукъ и медицинскій факультетъ въ Парижѣ положительнымъ образомъ отрицали животный магнетизмъ. Убѣдить ихъ (да и то еще съ грѣхомъ пополамъ) могла только замѣчательная безболѣзненная операція, сдѣланная Жюлемъ Клоке, вырѣзавшимъ ракъ на груди у женщины, предварительно замagnetизированной. Такія же затрудненія и сомнѣнія встрѣтило открытіе кровообращенія.

Почти всѣхъ изобрѣтателей постигаетъ та же участь,—изобрѣтателя пароходовъ, газоваго освѣщенія, желѣзныхъ дорогъ и др. При изобрѣтеніи желѣзныхъ дорогъ инженеры утверждали, что паровики не могутъ двигаться и что колеса ихъ будутъ вертѣться, не сходя съ мѣста. Въ палатѣ депутатовъ въ 1838 году Араго охлаждалъ рвеніе сторонниковъ новаго изобрѣтенія, говорилъ о косности матеріи, объ упорствѣ металловъ, о сопротивленіи воздуха. «Скорость будетъ велика, очень велика, но не настолько, какъ надѣются».

А вотъ отзвѣзъ Тьера: «Допускаю,—говорилъ онъ,—что желѣзныя дороги представляютъ нѣкоторыя выгоды для перевозки пассажировъ, если только движеніе ограничится нѣсколькими короткими линіями, сходящимися къ большимъ городамъ, какъ Парижъ. Длинныхъ протяженій вовсе не нужно». Прудонъ говорилъ: «Пошло и смѣшно воображать, будто желѣзныя дороги могутъ содѣйствовать циркуляціи идей».

Въ Баваріи королевская медицинская коллегія на соотвѣтствующій запросъ отозвалась, что желѣзныя дороги если они осуществляются, принесутъ величайшій вредъ общественному здравію потому что такое быстрое движеніе вызоветъ сотрясеніе мозга у пассажировъ и головокруженія; поѣтому рекомендуется огородить путь по обѣ стороны досками такой же вышины, какъ вагоны.

Когда появился проектъ установить подводный кабель между Европой и Америкой въ 1853 году, одинъ изъ выдающихся авторитетовъ по физикѣ, Бабине, членъ института, писалъ въ «Revue des deux Mondes»: «Я не могу серьезно отнестись къ этой затѣѣ; одной теоріи теченій достаточно, чтобы доказать полную невозможность установить подобное сообщеніе, если даже не принимать въ расчетъ токовъ, которые устанавливаются сами по себѣ въ длинномъ электрическомъ проводѣ и которые очень чувствительны въ короткомъ сообщеніи между Доверомъ и Калѣ. Единственное средство соединить Старый Свѣтъ съ Новымъ—это установить сообщеніе черезъ Беринговъ проливъ, или же черезъ острова Фероа, Исландію, Гренландію и Лабрадоръ (!)».

Въ Англіи Королевское общество отказалось въ 1841 г. напечатать крайне важный докладъ знаменитаго Джулла, изобрѣтшаго вмѣстѣ съ Майеромъ термодинамику; а Томасъ-Юнгъ, открывшій вмѣстѣ съ Френелемъ свѣтовые волны, былъ поднятъ на смѣхъ лордомъ Брумомъ.

Въ Германіи тотъ же Майеръ, увидавъ, съ какимъ насмѣшливымъ скептицизмомъ официальные ученые встрѣтили его безсмертное открытіе, усомнился въ самомъ себѣ и выбросился изъ окна. Немного позже академія

встрѣтили его съ распростертыми объятіями. Знаменитаго электрика Ома соотечественники нѣмцы принимали за сумасшедшаго.

А какъ не помнить намъ, астрономамъ, какъ встрѣчено было изобрѣтеніе телескопа!

Подобныхъ примѣровъ можно насчитать до безконечности... Прибавлю слова одного извѣстнаго историка этихъ явленій: «такіе скептики, такіе тормазы встрѣчаются всюду, во всѣхъ отрасляхъ общественной дѣятельности, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ промышленности, въ политикѣ, въ администраціи и т. д. и приносятъ даже нѣкоторую пользу въ своемъ родѣ: это просто тумбу, которыми намѣчается путь прогресса».

Огюстъ Контъ и Литтре, повидимому, опредѣлили окончательный путь для науки, ея «позитивистское» направленіе. Будемъ допускать только то, что мы видимъ, къ чему прикасаемся, что слышимъ,—словомъ, что дѣйствуетъ непосредственно на чувства: нечего стараться познавать непознаваемое; уже полстолѣтія этотъ принципъ составляетъ руководящее правило для науки.

Но вотъ, въ чемъ дѣло. Анализируя впечатлѣнія нашихъ чувствъ, мы убѣждаемся, что они насъ положительно обманываютъ. Мы видимъ, что солнце, луна и звѣзды вращаются вокругъ насъ, — это невѣрно. Мы чувствуемъ, что земля неподвижна, — опять-таки невѣрно. Намъ кажется, что солнце подымается надъ горизонтомъ,—въ сущности оно подъ нимъ. Мы слышимъ гармоническіе звуки, — на дѣлѣ же воздухъ переноситъ лишь волны, беззвучныя сами по себѣ. Мы любимся эффе́ктомъ свѣта и красокъ, оживляющихъ въ нашихъ

глазахъ роскошное зрѣлище природы, — на дѣлѣ нѣтъ ни свѣта, ни красокъ, а есть только безцвѣтныя колебанія эфира, которыя, поражая нашъ оптический нервъ, даютъ намъ ощущенія свѣта. Мы обжигаемъ себѣ ногу на огнѣ, — только въ мозгу нашемъ отражается ощущеніе боли. Мы говоримъ о холодѣ и жарѣ, — во вселенной нѣтъ ни холода, ни жара, а только одно движеніе. Итакъ, наши чувства обманываютъ насъ насчетъ дѣйствительности. Ощущенія и дѣйствительность — двѣ вещи разныя.

Но это еще не все. Вдобавокъ наши жалкія пять чувствъ недостаточны. Они позволяютъ намъ ощущать лишь самое незначительное число движеній, составляющихъ жизнь вселенной. Чтобы дать объ этомъ понятіе, повторяю то, что я уже писалъ въ своей книгѣ «Lumen». Между послѣднимъ акустическимъ ощущеніемъ, воспринятымъ нашимъ ухомъ, благодаря 36.850 колебаніямъ въ секунду, и первымъ оптическимъ впечатлѣніемъ, воспринятымъ нашимъ глазомъ, посредствомъ 400.000.000.000.000 колебаній въ продолженіе той же единицы времени, мы ничего не можемъ ощущать. Тутъ огромный промежутокъ, съ которымъ никакое чувство не приводитъ насъ въ общеніе. Будь у насъ другія струны на нашей лирѣ — десять, сто, тысяча, — то гармонія природы передавалась бы намъ болѣе полно, приводя эти струны въ колебаніе. Слѣдовательно, съ одной стороны наши чувства обманываютъ насъ, а съ другой — ихъ свидѣтельства недостаточны. Значить, ими нечего особенно чваниться, и выставлять за принципъ какую-то мнимую «позитивную философію».

Конечно, намъ по-неволѣ приходится пользоваться

тѣмъ, что мы имѣемъ. Религіозная вѣра говоритъ разсудку: «Милый мой, у тебя только одинъ фонарь, освѣщающій тебѣ путь; потуши его и отдайся мнѣ въ руки». Мы на это не согласны. У насъ всего одинъ свѣточъ, да и тотъ не важный; но потушить его значило бы остаться совсѣмъ въ потемкахъ. Напротивъ, — надо установить въ принципѣ, что разумъ или, если угодно, разсужденіе всегда и во всемъ должны быть нашими руководителями. Въѣ этого ничего нѣтъ. Но не будемъ замыкать науку въ тѣсный кругъ. Возвращаюсь опять къ Огюсту Конту, потому что онъ — основатель новѣйшей школы и является однимъ изъ выдающихся умовъ нашего вѣка. Онъ ограничиваетъ сферу астрономіи тѣмъ, что было уже извѣстно въ его время. Но это просто нелѣпо. «Мы еще постигаемъ, — говоритъ онъ, — возможность изучить форму свѣтилъ, ихъ разстояніе отъ земли, ихъ движенія, но намъ никогда не удастся изучить какими-либо средствами ихъ химическій составъ». Знаменитый философъ умеръ въ 1857 году. А пять лѣтъ спустя, спектральный анализъ какъ разъ опредѣлялъ химическій составъ свѣтилъ и распредѣлялъ звѣзды по классамъ соотвѣтственно ихъ химическому составу. Въѣ, точно также астрономы XVIII столѣтія упорно утверждали, что можетъ существовать только семь планетъ. Что было неизвѣстно еще вчера, становится истиной завтра.

По справедливости, однако, не надо забывать, что всѣ эти обструкціи, тормазы и сопротивленія отчасти извинительны. Въѣ, въ началѣ никогда не бываешь увѣренъ въ реальности и цѣнности вещей новыхъ. Первые пароходы ходили плохо и были хуже парусныхъ судовъ.

Первые газовые рожки свѣтили прескверно и вдобавокъ воняли. Первые проявленія электричества были какъ-то несуразны. Желѣзные дороги сбивали людей съ толку. Зачастую новыя явленія, мало извѣстныя, необъяснимыя, являются сбивчивыми, смутными, трудно поддающимися анализу. Какія затрудненія долженъ былъ вынести животный магнетизмъ, прежде чѣмъ достигъ положенія научнаго опыта! Какъ возмутительно эксплуатировали его шарлатаны, потѣшаясь надъ легковѣріемъ публики! Въ магнетическихъ явленіяхъ, какъ и въ спиритическихъ, сколько практиковалось обмановъ, надувательствъ, гнуснаго фокусничества, не говоря уже о глупцахъ, плутующихъ съ цѣлю «позабавиться». Вотъ почему можно отчасти извинить осторожность людей науки.

Недавнее открытіе Рентгеновскихъ лучей, открытіе такое невѣроятное и странное по его существу, должно было бы просвѣтить насъ насчетъ крайней ограниченности поля нашихъ обычныхъ наблюденій! Видѣть сквозь предметы непрозрачныя! проникнуть глазомъ внутрь запертаго сундука! различать костякъ руки, ноги, туловища, сквозь мясо и одежду! Подобное открытіе, безспорно, совершенно не вяжется съ нашей обычной привычкою къ осмотрительности. Этотъ примѣръ, несомнѣнно, является однимъ изъ самыхъ яркихъ и краснорѣчивыхъ доводовъ въ пользу той аксіомы, что наука не должна утверждать, будто дѣйствительность останавливается на границѣ нашихъ знаній и нашихъ наблюденій.

А телефонъ, передающій рѣчь не путемъ звуковыхъ волнъ, а путемъ электрическаго движенія! Еслибъ мы могли переговариваться при помощи звуковой трубы